Игорь Евдокимов

Ледяной плен Корсакова

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е15

Иллюстрация на переплете *Юлии Конопаткиной*

Карта на форзаце и внутренние иллюстрации *Александры Чу*

Оформление серии *Екатерины Петровой*

Редактор серии *Анастасия Осминина*

Евдокимов, Игорь Алексеевич.
Е15 Ледяной плен Корсакова / Игорь Евдокимов. – Москва : Эксмо, 2027. – 352 с.

ISBN 978-5-04-244874-4

Владимир Корсаков должен вернуться в Россию. Но сделать это будет куда сложнее, чем он может себе представить.

Конклав Слепых едва не закончился катастрофой. Корсакову удалось разоблачить заговор, но даже он не способен справиться с новыми противниками в одиночку. Вместе со своими союзниками Владимир отправляется в погоню за предателем, которая приводит их в Париж. Пойманный некромант очень опасен – но куда опаснее путь через всю Европу обратно в Петербург.

Корсаков садится на Призрачный экспресс – поезд, который пересекает любые границы, а каждый пассажир хранит свои тайны. Вот только состав останавливается на станции, которой нет ни на одной карте, а в окружившей его метели затаилась холодная смерть. И когда внутри поезда происходит убийство, Корсакову предстоит раскрыть его и вырваться из снежного плена прежде, чем призраки потерянной станции доберутся до пассажиров. Но какую цену ему придется для этого заплатить?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Евдокимов И.А., 2027
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2027

ISBN 978-5-04-244874-4

В ПРЕДЫДУЩИХ СЕРИЯХ

Владимир Корсаков — наследник старинного дворянского рода, охраняющего Россию от сверхъестественных угроз. Во время русско-турецкой войны, выслеживая жестокого убийцу в болгарских горах, его отец потерял рассудок, а старший брат погиб. Сам Владимир потерял память, но чудом выжил — если чудом можно назвать вмешательство загадочной потусторонней сущности, оказавшейся запертой в его теле.

Проходит несколько лет. Владимир остается единственным из Корсаковых, кто продолжает фамильное дело, пока его дядя становится затворником в Смоленске, опасаясь новых покушений. Весной 1880 года в Петербурге происходит серия самоубийств, связанных с портретами кисти модного художника. Отец одной из жертв нанимает Владимира расследовать эти события. Ему приходится пуститься в погоню за художником. Корсаков настигает его в отдаленном городе, где тот едва не призывает в наш мир сущности, которым издревле поклонялись племена язычников. Владимиру удается остановить ритуал, однако источник сил и оккультных знаний портретиста остается неизвестным.

Той же осенью Корсакова вызывает на допрос загадочный жандармский полковник, не называющий

своего имени. Выясняется, что наниматель Владимира и несколько медиумов бесследно исчезли из особняка на Большой Морской. Одной из жертв могла стать медиум Амалия Штеффель, в которую Корсаков был влюблен. В ходе расследования Владимир знакомится с подчиненными полковника, ротмистром Нораевым и поручиком Павлом Постольским. Сыщикам удается выяснить, что целью ритуала было призвать с того света душу баронессы Ридигер, ставшей жертвой проклятого художника, и вселить ее в тело Амалии. Корсаков отправляет дух обратно в загробный мир, но оказывается не в силах спасти подругу, а на него самого обращает пристальное внимание явившийся забрать беглянку с того света страж мертвых, Зазеркальный скиталец.

На Рождество 1880 года полковник предлагает Корсакову отправиться в Москву и расследовать убийство начальника юнкерского училища. Взамен жандарм обещает Владимиру помочь разобраться в причинах сумасшествия его отца и гибели брата. Корсаков останавливает убийцу, однако в ходе схватки теряет сознание и пробуждает дремавшую внутри него сущность, которая принимает вид его зловещего двойника. Полковник держит слово и сообщает Владимиру, что и охота на художника, и исчезновение медиумов, и события в юнкерском училище объединены одним заговором, следы которого необходимо искать в заметках, оставшихся у его отца.

Однако Корсаков, опасаясь влияния, которое на него оказывает двойник, не спешит возвращаться домой, в Смоленск. Письмо от его университетского друга, Дмитрия Теплова, оказывается кстати. Молодой чело-

век влюбляется в наследницу загадочного дворянского рода, живущего в изолированной от мира деревне среди Муромских лесов. Корсаков выясняет, что будущие родственники Теплова поклоняются жуткому нетленному святому – Каафу, который оказывается древним вампиром. Остановить чудовище удается только с помощью темного двойника, и лишь стечение обстоятельств помогает Владимиру сохранить власть над собственным телом. Однако Теплов и его избранница не в силах избавиться от проклятия Каафа, а потому вынуждены остаться в разоренной деревне. Корсаков понимает, что тем самым оставляет в лесах гнездо вампиров, но выбирает довериться другу и сохранить ему жизнь.

Набравшись смелости, Владимир возвращается в Смоленск. Его приезд совпадает с серией убийств, похожих на те, что он расследовал в Болгарии с отцом и братом. Дядя Михаил пытается помочь Владимиру, однако сам погибает от руки преступника. Корсакову приходится довериться прибывшему в Смоленск полковнику и витебскому знахарю Христофору Севастьяновичу Горегляду, который сам преследует убийцу. Владимир находит тайный архив своего отца и понимает, что неизвестные заговорщики активно истончают барьер с иными мирами, а число инцидентов, связанных с паранормальными угрозами, растет. Горегляд помогает ему восстановить память. Корсаков понимает, что отца и брата предал их временный союзник, турецкий оккультист Юсуф-бей. Его целью было подменить Корсакова-старшего на пришельца из иного мира, однако Владимир срывает ритуал. Темный двойник вновь временно получает контроль над его телом, но полков-

ник удивительно легко изгоняет его, пусть и на время. Корсаков же понимает, что их противником в Смоленске является не кто иной, как его дядя Михаил, инсценировавший свою смерть и примкнувший к заговорщикам. Полковник забирает побежденного Михаила для допроса, а Владимиру рекомендует встретиться в Петербурге с неким Николаем Коростылевым.

Одновременно с этими событиями Павел Постольский, с которым Корсаков успел подружиться, расследует гибель постового в результате удара молнии в Гатчине. Он выясняет, что группа заговорщиков во главе с чиновником министерства путей сообщения провела ритуал на гатчинском вокзале, оставив своеобразный маяк для потусторонних сущностей, направленный прямо на императорский дворец. Полковник хвалит его за инициативность, однако запрещает проводить дальнейшее расследование.

Корсаков возвращается в столицу, однако опаздывает буквально на сутки — Коростылев при загадочных обстоятельствах утонул в озере рядом со своей усадьбой в Новгородской губернии. Полковник требует немедленно приступить к расследованию. Корсаков вместе с Павлом Постольским и примкнувшим к ним профессором реликтоведения Вильямом Яновичем ван Беккером отправляется в усадьбу. Там он выясняет, что Коростылева беспокоили странные видения, озеро сияло дьявольским светом, а на берегу распускались странные цветы. Заручившись поддержкой местного священника, отца Матфея, который сам скрывает несколько тайн, Владимир узнает, что за событиями стоит брат-близнец Николая Коростылева, в детстве похищенный суще-

ствами из иного мира и вернувшийся, чтобы отомстить. Корсаков останавливает его, однако после возвращения в Петербург и встречи с полковником выясняет, что Беккер все это время работал на их врагов — и все же спас ему жизнь.

Владимиру предстоит заменить дядю Михаила на Конклаве Слепых в Венеции — собрании представителей оккультных семейств и обществ со всей Европы. Однако перед этим он празднует свой день рождения в компании Павла Постольского. Веселье прерывается, когда в подвалах Эрмитажа оживает древняя мумия. Владимир и Павел выясняют, что чиновник министерства путей сообщения, уже знакомый Постольскому, планировал использовать существо для убийства некой дамы, однако имени цели не знают. Корсаков отбывает на Конклав, а поручик остается проводить собственное расследование.

В Венеции во время торжественного бала-маскарада пятеро участников Конклава подвергаются проклятию, и Корсаков оказывается главным подозреваемым. Его сажают под арест, откуда он сбегает при помощи своих единственных союзников — Галеаццо и Франчески Бонавита, детей одной из жертв проклятия. Галеаццо — старый приятель Владимира, а Франческа его на дух не переносит и считает, что ее отец подвергся заклятию именно потому, что хотел ему помочь.

Содействие им также оказывают люди кардинала Амедео Бриганти — посланника Ватикана на Конклаве. Священник намекает Владимиру на связь между жертвами. Как выясняется, они все являлись хранителями знаний, преданных *damnatio memoriae* (проклятию

забвения), слишком опасных, чтобы раскрывать их существование, но слишком важных, чтобы уничтожить.

Владимир выясняет, что все это время ему противостояли служители Мертвых богов — пяти циклопических и непознаваемых существ, когда-то подчинивших себе сотни других миров, которых подпитывают людская вера и сами знания об их существовании. С помощью кардинала Владимир выясняет, что проклятие служит для того, чтобы распространить его эффект с пяти первых жертв на других участников Конклава и одновременно передать достаточно сил Мертвым богам, чтобы пробудить их.

Франческа и Галеаццо отправляются на Конклав, чтобы предупредить его участников и выиграть время, а Корсаков спешит помешать ритуалу. Победа, однако, оказывается пирровой — хотя Владимир и успевает остановить проклятие, многие участники Конклава все же погибают, многие напуганы и не доверяют друг другу, а знания о Мертвых богах раскрыты и, таким образом, начинают подпитывать их, готовя почву для возвращения.

Владимир, узнав наконец, кто ему противостоит, готовится к новым битвам под руководством отца Галеаццо и Франчески. Он подозревает, что за заговором стоит Старейшина Конклава — венецианский оккультист Доменико Лоредан, однако доказать это он сможет, лишь найдя бежавшего из города слугу Мертвых богов — некроманта фон Гельдерна.

Проходит год. Охота Корсакова близится к концу...

Герои этой истории разговаривают на итальянском, французском, немецком, английском и прочих языках. Дабы не превращать повествование в сплошной парад сносок, оригинальная речь оставлена лишь там, где это необходимо для создания колорита. В остальном же их общение передается русским языком.

I

1882 год, декабрь, Париж

Они нашли его.

Он понимает это, глядя на лицо соседки, мадам Ласкó — симпатичной говорливой вдовы средних лет, как всегда остановившей его на лестнице. Вот она кокетничает, жалуется на погоду и сегодняшние нравы, а в следующий момент осекается посреди предложения. Ее приятное лицо искажает гримаса безотчетного ужаса, глаза закатываются, оставляя только белки, а рот складывается в жуткую ухмылку, исторгая из себя монотонный хрип, от которого волосы встают дыбом.

Значит, им удалось. Человек, несущий внутри зерно посланников из иного мира, сейчас ступает по мостовым Парижа. Чтобы чуждое всему людскому влияние не сеяло панику и истерию вокруг себя, его явно приходилось сдерживать амулетами. Но сейчас, когда гибрид человека и твари вышел на охоту, необходимость сохранять маскарад отпала. Само присутствие этого существа в доме распространяет волны безумия, лишающие сил и воли всех, кому не посчастливилось оказаться рядом. Его самого спасает лишь защитная сигилла[1], выданная

[1] Сигилла (*от лат.* sigillum, «печать») — символ (или комбинация нескольких конкретных символов или геометрических фигур), обладающий магической силой.

перед ритуалом в венецианском театре Ла Фениче год назад, когда он еще мнил себя важным союзником, а не разменной фигурой, от которой необходимо избавиться.

Он перегибается через перила и всматривается вниз, в широкий атриум между пролетами. Обыкновенно освещенный, сейчас он был погружен во тьму — и светильники, развешанные вдоль стен, медленно гасли. Тьма поднимается от этажа к этажу, скрывая вошедших в дом людей. Но видеть ему и не нужно: острый слух сообщает всю необходимую информацию. С первого этажа уже раздаются шаги, приглушенные красным ковром на лестнице. *Они* поднимаются наверх.

Действовать необходимо немедленно!

Испытав укол сожаления (к Ласко он успел привыкнуть и даже испытывал к ней чувство, похожее на симпатию), он резким движением выхватывает острый нож и одним ударом перерезает вдове горло. Следом он извлекает из кармана крохотный костяной амулет, отдаленно похожий на монету, и без малейшей брезгливости вдавливает его в брызжущую кровью рану. Затем — толчок, и тело женщины переваливается через перила, летит вниз, на первый этаж, где и приземляется с неприятным шлепком.

Шаги останавливаются. Все же *они*, несмотря на распространяемый вокруг безумный ужас, еще остаются людьми. Хотя бы отчасти. Людям свойственен интерес. Любопытство. Что ж, мадам Ласко, без всяких сомнений, окажется оригинальным экземпляром.

Снизу раздается тихий треск. Он этого не видит — слишком занят подъемом по лестнице, — но прекрасно представляет, что там происходит. Трещат переломан-

ные кости, когда покойная вдова, не обращая внимания на сам факт своей смерти, встает с пола и одним прыжком преодолевает первый пролет, обрушиваясь на его преследователей. Конечно, ей далеко до кадавров, создать которых ему удалось в Венеции. Это просто пушечное ядро с одной-единственной целью — бить, рвать и убивать, тупое и недолговечное. Но в определенных обстоятельствах весьма эффективное: недостаток разума компенсируется поистине чудовищной физической силой. Такое орудие сгорает само за несколько минут, но с высокой вероятностью забирает с собой тех, кто встает на пути.

У него остается еще один амулет для создания подобного существа, но лишь на самый крайний случай. Извлечь его будет сложно и болезненно.

Снизу слышится испуганный вскрик — что ж, возможно, один из пришедших за ним действительно *еще человек*...

Он пробегает мимо двери квартиры, в которой скрывался вот уже второй месяц. Жаль, чертовски жаль. Куда больше покойной мадам Ласко. В этой квартире все его вещи, заметки, эксперименты. Все же он слишком задержался, и сниматься с места стоило еще неделю назад. Зря поддался обманчивому чувству безопасности и анонимности. Ему хочется ворваться и схватить хотя бы сумку с предметами первой необходимости, которую он всегда держал собранной. Но этого делать нельзя. Вдова купит ему какое-то время, но счет идет не на минуты, а на мгновения. Поэтому он, не сбавляя шага, продолжает перескакивать через две ступеньки с несвойственной его возрасту прытью.

Шум и крики внизу стихают. Покойница прослужила совсем недолго, однако выполнила свою задачу — к этому моменту он уже достиг верхнего этажа. Убогонькая дверь ведет в квартиру консьержа. Можно было бы выбить ее и постараться выбраться через окно, но есть способ лучше. Он хватается за перекладины стремянки, упирающейся в потолок, карабкается наверх и толкает нависающий над ним люк.

Порыв промозглого ледяного ветра едва не сбрасывает его обратно вниз, но пальцы намертво вцепляются в лесенку. Он подтягивается — и оказывается на свежем воздухе. Буквально из-под ног вспархивает стайка испуганных голубей, уже устроившихся было на ночлег под скатом крыши. Ветер вновь кидает в лицо пригоршню острых льдинок — сегодня в Париже морозно.

Вокруг него раскидывается море крыш на фоне черного ночного неба. По диагонали видны острые шпили и коньки перестраиваемой после пожара ратуши. Чуть дальше, за рекой, отбивают время колокола собора Парижской Богоматери. Он не задерживается, но все равно машинально считает удары. Их девять.

Из кармана появляется узкая металлическая трубка с запалом. Он дергает шнур, на секунду ухмыляется, услышав знакомое шипение, и бросает предмет в люк за своей спиной. Раздается хлопок. Сквозь люк на крышу вырываются клубы черного дыма. Зажигательная бомба сработала. Теперь *им* потребуется новый путь на крышу...

Он не зря выбрал в качестве убежища этот дом на улице Риволи. Стараниями барона Османа Париж из тесного средневекового города преобразился в блистаю-

щую столицу, полную широких бульваров[1]. Но главное достижение — это многочисленные (и похожие друг на друга) многоквартирные дома в пять-шесть этажей, ровными рядами выстроившиеся вдоль новехоньких авеню. Их крыши соединены между собой на десятки метров вокруг, образуя квадраты и прямоугольники. Не зря он несколько раз выбирался наверх по ночам, пока никто не видит, и исследовал окрестности. Он прекрасно знает, куда нужно бежать, и, более не медля, бросается наутек, стараясь не поскользнуться и не упасть с головокружительной высоты.

За спиной слышится звон разбитого стекла. Что ж, ожидаемо. *Они* не смогли подняться за ним через люк, а потому вышибли-таки дверь в каморку консьержа и сейчас выбирались на крышу через мансардное окно. Следом — скрип жестяной кровли и испуганный вскрик. Лед. И падение на булыжную мостовую с высоты птичьего полета. Он позволяет себе ухмылку. Следует быть осторожнее, вылезая на крыши зимой. Но это означает, что потеряна лишь разменная фигура. Тот, кто распространяет вокруг себя волны безумия, явно не позволит себе так глупо погибнуть.

Он достигает угла здания, где крыша резко поворачивает налево. Кровля скрипит под шагами, ноги сколь-

[1] Перестройка Парижа в третьей четверти XIX века, она же реконструкция Османа, «османиза́ция» — градостроительные работы, проводившиеся в Париже с 1857 по 1870 год по поручению Наполеона III под руководством барона Османа, во многом определившие современный облик города, когда были снесены целые районы, оставшиеся со Средних веков, ради прокладки новых улиц, бульваров, парков и площадей и застройки их единообразной архитектурой.